

НЕ ОСТАВЛЯЙ

Кинорежиссер Дмитрий Месхиев:

Мы понимаем, что делаем с женщинами на экране

ЧТО-ТО НЕ ТО

Двадцатидевятилетний режиссер Дмитрий Месхиев успел снять три фильма («Гамбринус», «Циники», «Над темной водой»). Все три оказались точным попаданием в цель: равнодушно их смотреть невозможно.

Сейчас Дима загорелся новой идеей: сделать фильм об истории эротики и порнографии в отечественном кино. Выбор необычной темы скорее всего не случаен: в своих фильмах режиссер эротические сцены отнюдь не игнорирует, так что — смею предположить — предметом он владеет досконально.

Это и определило тему нашей беседы: не только о будущем фильме, но и вообще — об эротике в кино. Мнение критиков про нашу «обнаженку» приходилось слышать не раз. Сами кинематографисты чаще отмалчиваются.

— Дима, откуда вдруг возникла идея фильма?

— Началось с шутки. С Сергеем Курехиным мы как-то смеялись, я сказал, что пора бы сделать первый российский порнофильм. В хорошем духе немецкой порнографии — уж слишком много в последние годы появилось лент с эротическими сценами, не вызывающими ничего, кроме отвращения. Ну, а в итоге появилась мысль проследить развитие эротики в истории русско-советского кинематографа, с самого начала века. Скорее всего это будет фильм-опера, музыку к которой готов написать Курехин.

— Это будет, пользуясь курехиной лексикой, фильм об эротике, «которую мы потеряли»?

— И о той, которую приобрели. Что лучше, что хуже — судить сложно. «Потерянная» эротика — она чище, добрее. С закатыванием глаз, с томными взглядами, с картинными объятиями и поцелуями...

— Сейчас это, наверно, смотрится довольно смешно?

— Смешно и трогательно. Конечно, это не та эротика, что нынешняя. Не было изнасилований с дикими воплями или полового акта вкостером. Хотя и тогда снимали обнаженные тела: в фильме «Земля» Довженко есть сцена с голой героиней, Эйзенштейн в «Да здравствует Мексика!» очень много снимал обнаженных женщин. Но многие эротические куски в старом кино шли и без «обнаженки». Смотришь и понимаешь: не обязательно раздевать женщину догола и показывать страстное совокупление, чтобы вызвать эротические ощущения. В некоторой загадочности больше эротики, чем когда все в лоб.

— А когда появилась порнография?

— Она существовала и в наскальной живописи. И в кино — с самого его появления. Много старого порномаериала хранится в США, в институте сексуальных исследований. И в России до революции смотрели порнографию — так называемые «французские фильмы».

— Почему «французские»? Все, что шло из Франции, было «порно»?

— Скорее они назывались так потому, что существовала «французская» болезнь. Многие, связанное с эротикой, называлось «французским». Но эти фильмы с нынешней точки зрения скорее эротические — с нынешней порнографией они не имеют ничего общего.

Вообще порнопродукция в каждой стране носит свой национальный характер. Если французские порнофильмы отличаются юмором, то создатели немецких (а родиной порно считают Германию) стремятся, чтобы все от начала до конца было видно и слышно.

— А у нас появится «жесткое» порно?

— Думаю, что порнофильмы уже начали подпольно делать. Хотя в чистом виде отечественной порнухи я еще не видел.

— В 20-х годах эротика у нас переживала расцвет. Даже Андрей Платонов, говорят, заявлял: «Нельзя фаллос превращать в древко красного знамени!» Но потом ведь эротика с экрана исчезла совершенно?

— В 30-е годы ее скорее можно было бы назвать «любовью с трактором». Потом — война, и женщина стала своеобразным олицетворением Родины, которую надо любить. Ну а в 50—60-е годы была такая «любовь с размышлениями»: если они и любили друг друга, то, любя, говорили только о высоком.

— Именно тогда в «Советском экране» была развернута целая дискуссия: можно ли целоваться на советском экране?

— Зато в конце 70-х в фильмах Сергея Соловьева уже начинают появляться сцены изнасилований. Вышел фильм Андрона Кончаловского «Романс о влюбленных». Затем пришла перестройка и вместе с ней весь этот кавардак. А в последние 4 года все режиссеры считали необходимым отметить — плохо или хорошо, но снимали эротические сцены. Я и сам грешен...

— Что потеряли мы, что приобрели от того, что показали на экране решительно все, что может произойти с человеческим телом?

— Думаю, картины типа «Механического пианино», сделанные в начале 70-х, отложились в памяти наших кинематографистов. Но ведь это было 20 лет назад, и теперь на Западе эротика другая — даже если это сцены страшные, они сделаны мастерски. Великолепный фильм Бертолуччи «Последнее танго в Париже» — там показан половой акт во всех формах, однако никаких мерзких ощущений это не вызывает. У нас же подобные сцены показываются только ради того, чтобы режиссер мог сказать: «Я так могу!» Уж если насилюют, то и правда, такое ощущение — разорвали на куски. Но в этом никто не виноват. Все дорвались до голых женщин. Все накапливают физиологический багаж. Насытятся — и это пройдет. В картинах последнего года таких сцен уже меньше.

— Какие наши фильмы ты считаешь сделанными прилично?

— У Валерия Тодоровского в «Любви» эротический кусок сделан очень неплохо — со вкусом, с чувством. У Сергея Соловьева в «Доме под звездным небом» тоже это достаточно хорошо и тонко.

— Странно, что у нас никто еще не сделал большой эротический фильм — со сложным сюжетом, тонкими отношениями...

— Есть попытки вроде «Обнаженной в шляпе», но это скорее не эротический фильм, а набор обнаженных тел с не очень интересными человеческими отношениями. Нет традиций эротического кино. А ведь эротика — это самые загадочные отношения между людьми, когда присутствует что-то тайное, влекущее. Конечно, интереснее рассказать не о том, как люди сошлись-разошлись — просто так, а об истинных, сильных чувствах. Я бы такой фильм сделал с удовольствием. У нас такая почва — русская литература. Чехов, Толстой, Достоевский (не говоря уже о Пушкине и Лермонтове), только снимать и снимать, причем красиво, эстетично, волнующе...

Уже сейчас киношники смотрят друг на друга с недоумением. Мы понимаем, что делаем что-то не то с женщинами на экране. Сейчас, мне кажется, даже пошла обратная тенденция — возвращение в кино 40—50-х, в лирические картины про любовь, наивную и чистую.

— Ту, где дышат «духами и туманами»?

— А что, всем, даже самым страшным циникам, порой так хочется романтики и чистоты...

Беседу вела
Ирина ХМАРА.

Многие из нас привыкли смотреть «это» с «Маленькой Веры». На снимке: кадр из фильма.

344